

А. К. Байбурин

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СТЕРЕОТИПНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

1. Стереотипные (устойчивые, регулярно повторяющиеся) формы поведения издавна привлекают к себе внимание представителей самых различных научных дисциплин: психологов, социологов, историков, лингвистов, этнологов и др. Такие разновидности стереотипизированного поведения, как обряды и обычаи, стали традиционными объектами этнографических исследований. И это не случайно, поскольку в стереотипах поведения отчетливо выражается этническое своеобразие культуры¹. Набор стереотипных форм поведения, вырабатываемых в каждом обществе, естественно, не ограничивается сферой обряда и обычая. Они характерны для многих других сфер деятельности, прежде всего общения (этикет), социализации детей, технологических процессов (трудовые приемы и навыки), игрового поведения и т. д. В этнографическом изучении некоторых из перечисленных разновидностей стандартизированного поведения наметился определенный сдвиг. В первую очередь это относится к исследованию традиционных способов воспитания и обучения детей², а также стереотипов общения³. И все же говорить о планомерной, целенаправленной работе по отношению к совокупности стереотипов поведения в целом пока не приходится. Но дело не только в широте охвата различных форм такого поведения (хотя и она необходима). Все больше ощущается отсутствие общих посылок, общего инструментария исследований. В итоге данные, получаемые при изучении различных сфер стандартизированного поведения, оказываются практически несопоставимыми, что резко снижает их ценность. Ближайшими задачами изучения стереотипов поведения являются: выработка общих взглядов на природу и сущность стереотипизации поведения; определение места этого явления в общем механизме культуры; дальнейшее уточнение задач этнографического подхода; объединение усилий с представителями других дисциплин, изучающих шаблонизированные формы поведения, прежде всего с психологами, социологами, семиотиками, лингвистами.

В рамках настоящей статьи затронуты лишь некоторые вопросы изучения стереотипов поведения, имеющие самый общий характер.

2. При рассмотрении стереотипов поведения мы исходим из нескольких предпосылок. Во-первых, стереотипы поведения (как и поведение в целом) — это социальные феномены. Значит, поведение человека в обществе обусловлено особенностями социальной организации, социокультурными механизмами. Во-вторых, поведение человека вариативно как в диахронии, так и в синхронии (т. е. в историческом и этническом пространстве). В-третьих, стандарты поведения коррелируют с присутствующей той или иной эпохе стратификацией общества. Другими словами,

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 230.

² См. прежде всего выполненный под руководством И. С. Кона коллективный труд: Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Наука, 1983; Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983.

³ В этом направлении следует отметить серию работ Б. Х. Бгажнокова, получивших обобщение в его последней книге: Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983.

каждая социальная, классовая, половозрастная, этническая, конфессио-
нальная, профессиональная и другие группы и субкультуры общества
обладают специфическими стереотипами поведения.

Таковы самые общие предпосылки. Специфика этнографического
подхода к исследованию стереотипов поведения определяется более
конкретными положениями.

Прежде всего следует отметить двуплановость стереотипов поведе-
ния. Одной своей стороной они коренятся в сфере обыденного сознания,
другой — в эмпирически наблюдаемом пласте традиционно-бытовой
культуры. О последних и пойдет речь в настоящей статье. Будучи
идеальными конструктами (элементами сознания), этнические стерео-
типы поведения являются объектами изучения этнопсихологии и этносо-
циологии. Будучи компонентами бытовой культуры и реализуясь в
объективированных формах, они представляют собой предмет собствен-
но этнографических исследований. Здесь хотелось бы подчеркнуть на-
сущную необходимость комплексного подхода к изучению этнических
стереотипов поведения, что предполагает их рассмотрение не только
как объективированных (реализованных в конкретном поведении) форм,
но и как структур сознания.

Наконец, стереотипы поведения имеют знаковый характер. Степень
знаковости (семиотичности) различных стереотипов может существенно
изменяться во времени. Это зависит от многих причин, которые будут
разобраны ниже. Здесь мы лишь подчеркнем, что знаковость
является их общим и неотторжимым свойством⁴. Не случайно, когда
речь заходит об этносемиотике, имеется в виду в первую очередь изуче-
ние наиболее устойчивых форм поведения. Но дело даже не в этом.
Семиотичность поведения, способность тех или иных действий быть зна-
ками других (и прежде всего социальных) отношений, позволяет рас-
сматривать их в качестве семиотических объектов и применять для их
анализа методы, выработанные в семиотике.

3. Поведение человека вариативно и многообразно. В справедливо-
сти этой аксиомы сомневаться не приходится. Однако не менее справед-
ливо и другое утверждение: поведение человека в обществе типизиро-
вано, т. е. оно подчиняется нормам, выработанным в обществе, и поэто-
му во многих отношениях стандартно. Такое положение является ре-
зультатом действия двух противоположно направленных тенденций⁵.
Первую тенденцию можно назвать центробежной. Она проявляется в
разнообразии поведения, росте его вариативности. Именно эта сторона
поведения имеется в виду, когда говорится об индивидуальных особен-
ностях, своего рода «стилистике» поведения. Однако многообразие по-
ведения никогда не бывает абсолютным (в противном случае невозмож-
ным было бы общение людей, их объединение в различного рода со-
циальные образования). На упорядочение разнородных вариантов
поведения направлена противоположная (центростремительная) тен-
денция к унификации поведения, его типизации, выработке общепринятых
схем и стандартов поведения. Эта вторая тенденция выражается в том,
что всякое общество, заботясь о своей целостности, вырабатывает си-
стему социальных кодов (программ) поведения, предписываемых его
членам.

Набор типовых программ поведения специфичен для каждого коллек-
тива. Все они направлены на то, чтобы сдерживать рост вариативности
поведения, ибо ничем не контролируемый рост многообразия неминуемо
привел бы к распаду общества. Тем не менее социально одобренные
программы поведения никогда не покрывают всей сферы поведения чело-

⁴ Идея о том, что поведение строится на сигнификативной основе, т. е. связано с активным использованием знаков, принадлежит Л. С. Выготскому (*Выготский Л. С. Избранные психологические сочинения. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961, с. 164 и др.*).

⁵ О таком принципе функционирования семиотических языков культуры см.: *Лотман Ю. М. Место киноискусства в механизме культуры. — В кн.: Труды по знаковым системам 8. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1977, с. 138 и др.*

века в обществе. Некоторые его фрагменты остаются нерегламентированными, поскольку не расцениваются как социально значимые. Более того, для каждой этнической культуры характерны свои представления о значимости тех или иных аспектов поведения и, следовательно, своя конфигурация границы между обязательным (типизированным) и свободным (индивидуальным) поведением. При этом чем более значимы сферы поведения, тем более жестко они регламентированы, тем сильнее контроль за соблюдением стандартов и образцов.

Стандартизированное поведение имеет свои варианты. В соответствии с особенностями социальной организации в сфере «заданного» поведения выделяются различные типы: поведение крестьянина, воина, ремесленника и т. п. В соответствии с критериями биосоциального членения различается поведение детей, взрослых, молодежи, стариков, мужчин и женщин. Типология поведения этим, естественно, не исчерпывается. С учетом иных координат (например, этнических и конфессиональных) можно говорить о поведении японца в отличие от испанца, христианина в отличие от мусульманина. Если перейти на еще более высокий уровень абстракции, то можно вести речь об эпохальных стилях поведения, например поведении средневекового человека или поведении ренессансного типа. Реальное поведение человека — всегда синтез нескольких типов, нескольких программ. «Каждый человек в своем поведении реализует не одну какую-либо программу действия, а постоянно осуществляет выбор, актуализируя какую-либо одну стратегию из обширного набора возможностей»⁶ — в этом смысле в семиотике говорят о полиглотизме личности (ср. теорию социальных ролей в социологии).

Итак, условно можно говорить о двух основных формах поведения. Одна из них — относительно свободное, вариативное поведение; другая представляет собой регламентированное поведение, подчиняющееся выработанным в обществе типовым схемам действий в стандартных ситуациях.

4. Каковы же природа и функции стереотипизации? Каждое общество в процессе взаимодействия с внешней средой накапливает определенный опыт, на котором зиждется самая возможность его существования во времени. Естественно, общество заинтересовано в хранении, накоплении и передаче этого опыта следующим поколениям. Передача информации происходит двумя путями: генетическим и негенетическим. Ненаследственная информация передается в процессе социализации и целиком основана на научении⁷. Хранение, передача и аккумуляция социальной информации предполагает, во-первых, ее упорядочение и, во-вторых, отбор наиболее значимых фрагментов. На выполнение этих функций и ориентирован механизм стереотипизации, с помощью которого накапливаемая информация становится не просто суммой полезных знаний, но определенным образом организованным опытом. Благодаря наличию структуры он и может быть передан во времени. При этом «коллективная память», видимо, тоже имеет свои пределы и не может включать весь опыт. Стереотипизация наиболее значимой информации позволяет не только осуществлять отбор, но и сохранять ее рабочий объем в условиях постоянного обновления. Таким образом, стереотипизация информации явилась действенным средством не только для компенсации энтропийных потерь⁸, но и в борьбе с эктропией, информационным хаосом.

Структурирующее свойство стереотипов непосредственным образом связано с их центристской интровертной направленностью, т. е. ориентацией на внутренние механизмы самоорганизации. По мнению Б. М. Бернштейна, чем сложнее система, тем большее место в ее жизне-

⁶ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория). — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975, с. 27.

⁷ Маркьян Э. С. Узловые проблемы теории традиции. — Сов. этнография, 1981, № 2, с. 81.

⁸ Бернштейн Б. М. Традиция и социокультурные структуры. — Сов. этнография, 1981, № 2, с. 107—108.

деятельности занимают самоорганизация, саморегуляция, координация действий составляющих ее подсистем, согласование внутренних процессов и т. п., и сохранение этого опыта обеспечивает системе ее целостность и идентичность⁹.

Интровертный, регулятивный характер стереотипов сближает их с понятием социальной нормы — базисной категории социального контроля. Вопросы, связанные с изучением нормы, относятся к числу наиболее дискуссионных¹⁰. Здесь не место для их подробного обсуждения. Коснемся лишь тех сюжетов, которые могут возникнуть при сопоставлении стереотипов поведения и нормы. Наиболее приемлемую точку зрения на их соотношение, на наш взгляд, выразил К. С. Сарингулян: «Любая единица аккумулируемого и транслируемого традицией социального опыта, или, говоря иначе, любой составляющий содержание традиции стереотип деятельности, коль скоро мы рассматриваем его под углом зрения того, как он реализуется в деятельности людей, что обеспечивает его массовое восприятие и устойчивую повторяемость, выступает как норма»¹¹. При своей привлекательности такой подход нуждается в некоторых коррективах. Во-первых, стереотипизация распространяется на всякое поведение в любой сфере человеческой деятельности, в то время как социальная норма регулирует лишь общественное поведение людей. Следовательно, сопоставляя стандарты поведения с нормой, мы существенно расширяем ее значение¹². Второе соображение вызвано, в частности, известной двусмысленностью понятия «норма». Нормы можно считать исторически сложившимися правилами поведения, и тогда они синонимичны стандартам поведения (с приведенной выше оговоркой). Но в понятии «норма» всегда содержится и оценочный смысл. В этом случае норма выступает как выражение некоей «внешней» точки зрения, в соответствии с которой любой поступок может быть охарактеризован, как «правильный» или «неправильный», «хороший» или «плохой», «высокий» или «низкий» и т. д. Естественным коррелятом нормы в таком понимании будет нарушение (а не «свободное» поведение, как в первом случае). Более того, норма существует только на фоне нарушений. Полное торжество нормы в принципе невозможно, так как тогда это понятие лишается смысла. Между тем стереотипы поведения существуют не только для выражения нормы, ее соблюдения, но и для ее нарушений, т. е. «неправильное» поведение имеет свои стандарты. На это указывает широкий класс явлений, присущих каждой этнической культуре (от обрядов, включающих инверсии повседневных норм, до языковых стереотипов сферы обценного). Ю. М. Лотман утверждает: «Норма и ее нарушения не противопоставлены как мертвые данности. Они постоянно переходят друг в друга. Возникают правила для нарушения правил и аномалии, необходимые для нормы. Реальное поведение человека будет колебаться между этими полюсами. При этом различные типы культуры будут диктовать субъективную ориентированность на норму (высоко оценивается „правильное“ поведение, жизнь „по обычаю“, „как у людей“, „по уставу“ и пр.) или же ее нарушение (стремление к оригинальности, необычности, чудачеству, юродству, обесцениванию нормы амбивалентным соединением крайностей)»¹³. Не нужно

⁹ Там же, с. 107.

¹⁰ Из многочисленных работ на эту тему см., например: *Перишц А. И.* Проблемы нормативной этнографии. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979; *Дробницкий О. Г.* Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974; *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978; *Пеньков Е. М.* Социальные нормы — регуляторы поведения. М.: Наука, 1972; *Malinowski B.* Crime and Custom in Savage Society. Peterson, 1959; *Fromm E.* Man for Himself. N.Y., 1960; *Weidkuhn P.* Aggressivität und Normativität. — *Anthropos*, 1968—69, v. 63/64, fasc. 3—4, p. 361—394.

¹¹ *Сарингулян К. С.* О регулятивных аспектах культурной традиции. — Сов. этнография, 1981, № 2, с. 100—101.

¹² *Левкович В. П.* Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976, с. 212.

¹³ *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни..., с. 26. См. о двух типах искусства, ориентированных либо на канон, либо на нарушение канона: *Лотман Ю. М.*

думать, что ориентация на нарушение нормы относится лишь к сфере индивидуального поведения. Целые слои и группы общества имели свои модели как «правильного», так и «неправильного» поведения (ср. многократно описанный «сценарий» купеческого загула), причем второй тип поведения в историческом плане не является новацией. Он имеет гораздо более глубокие корни. Во всяком обществе и во все времена первый тип поведения неизбежно перемежался вторым, ярким выражением которого был праздник¹⁴. В данном случае нас не интересует психофизиологическая подоплека и исторические варианты мотивации этого феномена. Важно то, что соотношение нормы и стереотипа поведения не сводится к их отождествлению. Нормы и стереотипы поведения в каких-то случаях пересекаются, а в каких-то существенно расходятся. Поэтому представляется необходимым рассмотрение конкретных типов соотношений с целью выведения общих закономерностей.

5. Как уже было сказано, основная цель этнографического изучения стереотипов поведения заключается в выявлении их этнически своеобразных черт, что, естественно, предполагает выяснение общего основания. Проблема общего и специфического, сформулированная по отношению к стереотипам поведения, уже сама по себе задает их деление на инварианты и варианты.

Общечеловеческие, инвариантные модели поведения, казалось бы, детерминированы биологическими свойствами человека. Однако следует отметить, что они существенно корректируются социальными, культурными механизмами. Особенно ярко действие культурных факторов на универсалии поведения проявляются в тех случаях, когда «естественным» действиям придается социальная значимость. У индейцев кутенаи кашель имеет этнодифференцирующий смысл: по характерной назальной кашли они отличают своих соплеменников от представителей других групп¹⁵. По словам С. А. Арутюнова, «даже такие, казалось бы, чисто биологические явления, как половой акт или роды, осуществляются у человека разными приемами, в которых имеются определенные, и очень существенные, этнические различия. Этнические различия проявляются в том, как люди одеваются, как они едят, в их излюбленных позах стояния или сидения, хотя все люди на земле и одеваются, и едят, и сидят»¹⁶. Регламентация в сфере «естественного» поведения затрагивает лишь внешнюю сторону действий, их «оформление» и осмысление, в то время как характер действий остается неизменным, универсальным и инвариантным. Можно спать на возвышении или на полу, в определенной позе, какое-то время воздерживаться от сна, но альтернативного действия (не спать вообще) не может быть. Иными словами, поведение на этом уровне не предполагает категории выбора и, следовательно, имеет только один путь реализации. «Неправильного» варианта в таком поведении не существует¹⁷.

Альтернативное поведение всегда подразумевает выбор и соответственно альтернативное решение: можно поступить «правильно» или «не-

Каноническое искусство как информационный парадокс.— В кн.: Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973, с. 16—22.

¹⁴ Из последних работ на эту тему см. прежде всего: *Абрамян Л. А.* Первобытный праздник и мифология. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983.

¹⁵ Примеры подобного рода собраны в большом количестве. См.: *Birdwistell Ray L.* Introduction to Kinesics. An Annotation System for Analysis of Body Motion and Gesture. Louisville, 1952; *idem.* Kinesics and Communication.— *Explorations*, 1954, 3; *La Barre W.* Paralinguistics. Kinesics and Cultural Anthropology.— In: *Approaches to Semiotics*, L.—P., 1964; *Argyle M.* Bodily Communication. L., 1975; *Van Baal J.* Symbols for Communication. An Introduction to the Anthropological Study of Religion; *Ciotek T. M.* Materialy do «Alchemii gestów».— *Ethn. Polska*, t. XVII, zesz. 2; *Benjamin G. P., Creider C. A.* Social Distinction in Nonverbal Behaviour.— *Semiotica*, 1975, v. 14; *Ekman P.* Body Position, Facial Expression, and Verbal Behaviour During Interviews.— *J. Abnorm. Soc. Psychol.*, 1964, v. 68.

¹⁶ *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979, с. 25.

¹⁷ *Лотман Ю. М.* Статья по типологии культуры. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1970, с. 7.

правильно». Такое поведение регулируется исключительно с помощью вторичных, не вытекающих непосредственно из контекста ограничений. Эти ограничения носят частный, условный и относительный характер, что позволяет рассматривать их в качестве этнодифференцирующих признаков, лежащих в основе деления людей на те или иные группы¹⁸. В свою очередь категория выбора служит основанием для всевозможных этических оценок и концепций относительно тех или иных поступков.

Если в первом случае («естественных» инвариантных форм поведения) стереотипизации подвергаются внешние аспекты деятельности, то во втором стереотипизируется как план выражения, так и план содержания. Разумеется, этнические особенности могут проявляться и в глубинной и в поверхностной структурах стереотипа поведения. Но если выявление общего и особенного во внешней стороне стереотипа не вызывает особых трудностей, то аналогичные процедуры по отношению к внутренней, содержательной стороне стереотипа весьма сложны, поскольку эта сфера не ограничивается прагматическим смыслом или мотивировкой и, как правило, осложнена бытовыми, этическими, религиозными и другими представлениями.

Например, для общества, ориентированного на такие традиционные формы регуляции, как ритуал и обычай, действующие нормы и правила считаются унаследованными от предков и уже поэтому имеют императивный характер для любого члена группы. Р. М. Берндт и К. Х. Берндт пишут об австралийцах: «Общепринятые стандарты поведения у аборигенов считаются наследием прошлого. По их представлениям, великие мифические предки создали тот образ жизни, который ведут теперь люди. И так как сами мифические предки считаются вечными и бессмертными, таким же неизменным, раз и навсегда установленным должен быть и существующий уклад жизни»¹⁹. Ссылка на закон предков («так делали раньше», «так установили предки») — основной и универсальный способ мотиваций действий в данной системе поведения. По словам Ю. А. Левады, это первый и последний «аргумент» в пользу именно такого, а не другого решения ситуации²⁰. Другой мотивировки и не требовалось. Вопрос «почему так, а не иначе?» попросту не имел значения, ибо весь смысл традиции как раз в том и состоял, чтобы делать так, как это было сделано «в первый раз», во время «первых поступков». Подобная универсальная мотивация действий является следствием такого совмещения диахронии и синхронии, при котором прошлое (миф или мифологизированное предание), выступает в качестве объяснения настоящего, а иногда и будущего²¹. В системе поведения такого рода, вообще говоря, существует только одна стратегия правильного поведения. Другими словами, поведение может быть *или* «правильным», *или* «неправильным». Варианты «правильного» поведения для одного и того же человека возникают лишь в связи с приданием самостоятельной ценности индивидуальным формам поведения, что в свою очередь является следствием ролевой дифференциации членов коллектива, роста индивидуального самосознания. Общий принцип «единственно правильного поведения» в традиционном обществе, однако, все же полностью не исключает некоторых возможностей выбора между линиями поведения, в пределах которых они не считаются нарушениями. Это происходит потому, что разные сферы жизнедеятельности регулируются с разной степенью жесткости и всегда существуют области деятельности, где допустимы альтернативные решения. Но при этом следует иметь в виду, что «разнообразие в образе действий не обязательно связано с расхождениями в установках (во взглядах): просто могут существовать различные способы выражения одних и тех же представлений»²².

¹⁸ Lévi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship. Boston, 1969, p. 8.

¹⁹ Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981, с. 255.

²⁰ Левада Ю. А. Социальная природа религии. М.: Наука, 1965, с. 111.

²¹ Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). — В кн.: Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М.: Наука, 1982, с. 12—13.

²² Берндт Р. М., Берндт К. Х. Указ. раб., с. 257.

Исходя из сказанного, можно говорить о двух основных типах проявления этнической специфики в стереотипах поведения: 1) когда одним и тем же действиям придается различное содержание в разных этнических культурах и 2) когда одно и то же содержание находит различное выражение в поступках. Результаты исследований в области общего и специфического в стереотипах поведения зависят не только от имманентных свойств различных культурных традиций, но и от позиции исследователя. В этом одно из проявлений относительности различия общего и специфического, на что совершенно справедливо указывает Э. С. Маркарян²³. Нам уже приходилось касаться этого сюжета в связи с понятием этнографичности как выражения соотношения конкретно-этнических и общекультурных свойств того или иного явления²⁴. Представляется возможным несколько конкретизировать соображения Э. С. Маркаряна с помощью введения понятия этнической дистанции. Дело в том, что сопоставляемые явления не обязательно принадлежат одному народу или одному региону (как бы широко мы его ни понимали), но могут быть разорваны в этническом пространстве (имеется в виду различная дистанция между ними). Здесь действует парадоксальное правило: чем меньше этническая дистанция (например, русские и украинцы), тем более существенны различия между сопоставляемыми однопорядковыми явлениями и, наоборот, чем больше этническая дистанция (например, поляки и японцы), тем более значимыми оказываются совпадения. Конфигурация этнографической парадигмы (сопоставляемых явлений) зависит от конкретных целей исследования, в соответствии с которыми общее и специфическое может трактоваться в генетическом, типологическом и других планах.

6. Следует, вероятно, различать стереотипы (модели) поведения и само поведение, т. е. конкретные действия и поступки, являющиеся реализацией стереотипа (ср. различие понятий «язык» и «речь» в лингвистике; «код» и «сообщение» в семиотике; «закрытое» и «открытое» поведение в психологии). В этом случае стереотип выполняет роль программы поведения, реализующейся в поведенческом тексте (в семиотическом понимании этого термина). С этой точки зрения, текстами являются стереотипизированные формы поведения: обряды, обычаи, этикет, трудовые навыки и приемы, игра, мода, отдых, праздник, способы воспитания, ухода, оскорбления, наказания и т. п.

Нам представляется удобным говорить об объективированных формах поведения как о текстах, поскольку к ним могут быть с успехом применены те процедуры анализа, которые разработаны в семиотике текста (выявление уровней, единиц; правила организации в синтагматическом и парадигматическом плане; особенности синтактики, семантики и прагматики). Трудности описания сопряжены с тем, что поведение представляет собой в принципе недискретный текст. Дискретен он с точки зрения наблюдателя, хотя у него и нет особых оснований для сегментации поведения. Поэтому членение поведения на дискретные части всегда условно и основано чаще всего на отождествлении типовых ситуаций либо на таких признаках, как перемещения в пространстве (ср. «пришел — ушел» как обозначения начала и конца поведенческого текста).

Другая трудность проистекает из структурной неоднородности большинства текстов поведения. Они могут включать словесные компоненты, жесты, движения, позы, элементы пространства, утварь и т. д., причем это относится не только к «свободному» поведению, но и к его стереотипизированным формам (обрядам, обычаям, этикету и т. п.). Существует, например, множество описаний свадебного обряда, но в зависимости от того, кем они сделаны (этнографами, фольклористами, диалектологами или музыковедами), записи существенно различаются,

²³ Маркарян Э. С. Указ. раб., с. 86.

²⁴ Байбури А. К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (к проблеме этнографического факта). — В кн.: Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР (сб. МАЭ, т. XXXVIII). Л.: Наука, 1982, с. 8—9.

не говоря уже о том, что для некоторых компонентов поведения язык описания еще очень далек от совершенства. Отсюда вытекает основная сложность — низкая степень сопоставимости различных описаний. Выход видится прежде всего в разработке эффективного метаязыка, который позволил бы снять субстанциональную неоднородность таких многоярусных текстов, как обряд или этикет²⁵.

Соотношение стереотипа и соответствующего ему поведения далеко не однозначно. В идеале каждому стереотипу должен соответствовать определенный текст поведения. Но так бывает не всегда. Это зависит от многих причин, среди которых следует назвать степень обязательности действующих в культуре норм. При этом нужно учитывать, что каждое общество вырабатывает свои стандарты строгости или терпимости к нарушениям в разных сферах поведения. Так, например, стереотип брачных отношений в тех обществах, которым свойственны экзогамные брачные системы, характеризуется жесткой прескриптивностью в отличие от лабильности норм, действующих в обществах с неэкзогамными брачными системами²⁶. Кроме «внешних» существенное значение имеют и «внутренние» регуляторы поведения, такие, как стыд, вина, страх, честь с соответствующими этическими, религиозными, эстетическими и другими мотивировками.

В обществах архаического типа сам факт неизменности воспроизведения ритуала рассматривался как залог благополучия коллектива. Это и естественно, поскольку ритуал верифицирует устойчивость социальной структуры, ее способность противостоять внешним импульсам. В сфере ритуала всякое нарушение было в принципе невозможно, так как угрожало существованию коллектива во времени. «Не случайно, — пишет В. Н. Топоров, — что смысл жизни и ее цель человек космологического периода видел именно в ритуале»²⁷.

Относительно менее строго в архаическом обществе была «зарегулирована» сфера обычая. Если ритуал вообще не допускал никаких искажений, то соблюдение обычая предполагало существование системы санкций, предусмотренных для всевозможных нарушений. Другими словами, обычай реализовался только в контексте нарушений. Разные сферы действия обычая допускали различную степень свободы поведения. В этом смысле особенно показательна система этикета. Прием гостя у многих народов был чрезвычайно жестко регламентирован (не случайно этот фрагмент этикета издавна привлекал внимание этнографов, выделявших его даже в особый обычай, или «ритуал» гостеприимства), в то время как в других сферах общения действовали менее строгие правила. Разумеется, сказанное относится не только к архаическим обществам. Принципиально сходные явления характерны и для современных обществ (ср. хотя бы различную «стилистику» поведения дома и на улице, в театре и на рабочем месте). Положение осложняется быстрой сменяемостью стереотипов поведения, наличием наряду с общеэтническими разнородных субкультурных и внутрипоколенных стандартов, определяемых действием таких феноменов, как мода²⁸.

7. Выше мы уже коснулись некоторых аспектов соотношения ритуала и обычая. Представляется необходимым специально обсудить эту проблему.

²⁵ Обсуждение этой проблемы см.: Зализняк А. А., Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем. — В кн.: Структурно-типологические исследования. М.: Наука, 1962, с. 134—143; Байбури А. К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры..., с. 10—12.

²⁶ Членов М. А. Зависимость развития этнических процессов от лабильности или прескриптивности социальных институтов. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван: Изд-го АН АрмССР, 1978, с. 110—113.

²⁷ Топоров В. Н. Первобытные представления о мире..., с. 17.

²⁸ Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция. — Сов. этнография, 1981, № 2, с. 98—99.

Принято считать, что различие между ритуалом и обычаем коренится в сфере прагматики²⁹. Совсем недавно эта точка зрения снова была высказана в статье С. А. Арутюнова: «Под обычаем следует иметь в виду такие стереотипизированные формы поведения, которые связаны с деятельностью, имеющей практическое значение. Ритуал же объемлет только те формы поведения, которые являются чисто знаковыми и сами по себе практического значения не имеют, хотя и могут опосредованно быть использованы в практических целях (коммуникации, психотерапия и др.)»³⁰.

«Морфологические» отношения между ними обычно трактуются по модели «род — вид», т. е. предполагается, что ритуал является специфической разновидностью обычая³¹. При всех очевидных положительных чертах подобных схем и построений в работе на конкретном материале они требуют столь существенных оговорок, что эти достоинства обесцениваются.

Прежде всего отметим, что при таком подходе в сферу ритуала включаются самые разнообразные формы поведения, которые так же, как ритуал, не имеют утилитарного значения (от этикета до индивидуальных форм поведения). Следствием такого расширительного понимания ритуала является, например, понятие «индивидуальный ритуал» в некоторых психологических теориях³² — понятие, которое с точки зрения этнографа и культуролога столь же бессмысленно, как и понятие «индивидуальный язык» с точки зрения лингвиста. Между тем все эти формы поведения имеют различную природу, и их смешение с ритуалом нежелательно, как и в случае с ритуалом и обычаем³³.

Еще существеннее другое. Признак наличия/отсутствия практической полезности, в соответствии с которым предлагается различать обычай и ритуал, характеризует скорее обыденные установки нашей культуры, нежели реальное различие в функционировании обычая и ритуала в тех обществах, для которых они были основными формами регуляции поведения. После работ Мосса, Хокарта, Нидема и др.³⁴ можно считать установленным, что в арханческом обществе все проявления практической и духовной деятельности были настолько тесно связаны между собой, что сколько-нибудь отчетливое противопоставление утилитарных и символических аспектов попросту невозможно. Любой обычай, имеющий с нашей точки зрения практический смысл, был наделен и символическим значением. Это подтверждают сейчас уже многочисленные исследования таких, казалось бы, сугубо утилитарных сфер, как ремесла, трудовые обычаи, технология³⁵. С другой стороны, символичность ри-

²⁹ См., например: *Чистов К. В.* Обряд.— БСЭ. Т. 18. М.: Сов. энциклопедия, 1974, с. 231; *Дробницкий О., Левада Ю.* Ритуал.— Философская энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1967, с. 512—513; *Benedict R.* Ritual.— In: *Encyclopedia of the Social Sciences*. V. XIII. L., 1934, p. 396; *Leach E.* Ritual.— In: *International Encyclopedia of the Social Sciences*. L., 1968, v. 13, p. 521.

³⁰ Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция, с. 97.

³¹ См. например: *Левкович В. П.* Указ. раб., с. 229; *Сарингулян К. С.* Ритуал в системе этнической культуры.— В кн.: *Методологические проблемы исследования этнических культур*. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978, с. 71.

³² См., например: *Davis R.* The Ritualization of Behaviour.— *Mankind*, 1981, v. 13, № 2.

³³ Впрочем, см. у Б. Х. Бгажнокова: «По своим существенным характеристикам стандарты общения больше соответствуют ритуалу — особой разновидности обычая. Их объединяет с ритуалом и одновременно отделяет от обычая символичность, оторванность от практической деятельности» (*Бгажноков Б. Х.* Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения).— *Сов. этнография*, 1978, № 5, с. 7).

³⁴ *Mauss M.* *Sociologie et Anthropologie*. P., 1950 (см. также предисловие, написанное Леви-Строссом); *Hocart A. M.* *Kings and Councillors*. Cairo, 1936 (см. с. 249—250); *Needham R.* *An Analytical Note on the Kom of Manipur*.— *Ethnos*, 1959, v. 24, № 3—4.

³⁵ *Usman Pelly.* Symbolic Aspects of the Bugis Ship and Shipbuilding.— *J. Stew. Anthropol. Soc.*, v. 8, № 2; *Adams M. J.* Style in Southeast Asian Materials Processing: Some Implications for Ritual and Art.— *Material Culture. Styles, Organization and Dynamics of Technology*. St. Paul — New York — Boston, 1977; *Wassilewski J. S.* *Kategoria przestrzeni w kulturze koczowniczej. Analiza przestrzenna jurty mongolskiej*.— *Etno-*

туала, его концентрация на ценностях знакового характера вовсе не свидетельствуют о полном отсутствии практических функций³⁶. Все дело в том, что прагматизм человека архайческого общества был, вероятно, «ориентирован на ценности знакового порядка в гораздо большей степени, чем на материальные ценности, хотя бы в силу того, что последние определяются первыми, но не наоборот»³⁷. Вообще проблема прагматики (взятая как в историческом, так и в этническом аспекте) требует серьезного обсуждения³⁸. Без осмысления особенностей соотношения символического и практического в разные времена, у разных этнических общностей трудно рассчитывать на успешное изучение их культурной специфики. Что же касается рассматриваемого сюжета, то с учетом сказанного признак наличия/отсутствия практической полезности не может быть признан в качестве дифференцирующего при сопоставлении обычая и ритуала.

С нашей точки зрения, речь идет не о сходных, а о принципиально различных феноменах. Пожалуй, единственное их сходство в том, что им присуща регулятивная функция. Но если для обычая эта функция является основной и, как правило, единственной, то ритуал всегда полифункционален и в зависимости от конкретной разновидности (свадьба, инициация, похороны, календарные праздники и т. д.) актуализируется то одна, то другая его функция³⁹. Если говорить об основной функции ритуала, то это — контроль, точнее проверка соответствия различных аспектов социальной организации коллектива эталонам — сакральным образцам, поскольку в неизменности социальной структуры виделся залог благополучия и процветания коллектива. Другими словами, ритуал стоял на «страже» традиции, восполняя всевозможные потери и исправляя искажения, с одной стороны, и не допуская ничего нового в контролируемую сферу — с другой. Исключительная важность подобной проверки объясняется тем, что для так называемых «традиционных» обществ цельность, неизменность и равновесие были заменой прогресса⁴⁰. Контролируя традицию в целом, ритуал контролировал и неизменность входящих в нее компонентов, в том числе (и прежде всего) обычаев. Исходя из такого понимания роли ритуала в механизме культуры, вряд ли можно говорить о нем как о разновидности (пусть даже «специфиче-

grafia Polska, 1975, t. XIX, zesz. 1; Cuningham Clarc E. Order in the Atony House.— In: Right and Left. Essays on Dual Symbolic Classification. Chicago — London, 1973.

³⁶ О хозяйственно-экономической роли ритуала см., например, цикл работ Р. Рappaport Roy A. Pigs for the Ancestors. Ritual in the Ecology of a New Guinea People. New Haven — London, 1973.

³⁷ Топоров В. Н. Первобытные представления о мире..., с. 17.

³⁸ Необходимость такого обсуждения вызвала и появление ряда работ на эту тему. См., например: Черных Е. Н. Проявления рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы).— Сов. археология, 1982, № 4, с. 8—20; Байбури А. К. Семиотический статус вещей и мифология.— В кн.: Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981, с. 215—226. Еще раньше о соотношении практических и символических функций на этнографическом материале см.: Богатырев П. Г. Функции костюма в Моравской Словакии.— В кн.: Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971.

³⁹ О функциональной направленности ритуала существует много мнений. Кроме регулятивной выделяются такие функции, как коммуникативность (E. Leach, J. Frykman, C. Lévi-Strauss, Th. A. Sebeok, R. Davis, F. Barth, M. Kovačević, E. Th. Lawson, A. F. Wallace, K. Lorenz, N. Tinbergen); обмен различного рода ценностями (M. Mauss, C. Lévi-Strauss, P. Ekke, E. Hagen, M. Sarmela); психотерапевтическая (R. Abrahams, R. Davis, G. Homans, Th. Reik, C. H. Давиденков); воссоздание мира, его обновление (M. Eliade, A. Jensen, B. H. Топоров); средство медиации между сакральным и профанным (H. Hubert, M. Mauss, C. Lévi-Strauss, M. Eliade); поддержание естественного порядка (A. M. Hocart, J. Thomson, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров); обеспечение единства коллектива, упрочение связей (M. Gluckman, V. W. Turner, E. Leach, J. A. Абрамян); культовое узаконение мифов (общее положение ритуалистического направления); игра (J. Huizinga); шаблонизация внешних форм поведения (R. R. Marrett); символическое выражение определенных чувств (A. Radcliff-Brown); адаптация к внешней среде (R. Rappaport, A. J. Derey, P. R. Gould, R. Thornton, A. Vaida); социализация индивидов и принятие ими коллективных норм (B. B. Whiting, W. Etkin, G. Cowlshaw, В. П. Левкович); дифференциация социальных ролей, статусов, ценностей (M. Gluckman, V. W. Turner, E. Leach, M. Wilson и др.).

⁴⁰ Сегал Д. Мир вещей и семиотика.— Декоративное искусство, 1968, № 4, с. 39.

ской») обычая. Они принадлежат разным уровням культуры и выполняют различные функции. Во всяком случае, проблема соотношения ритуала и обычая (как, впрочем, и других стереотипизированных форм поведения — игры, моды, этикета) никак не может считаться решенной.

Нами сформулирована лишь небольшая часть вопросов этнографического изучения стереотипов поведения. Можно указать еще на целый ряд проблем, ждущих своего рассмотрения. К их числу относится, например, исследование динамических свойств стереотипов, их «устойчивости к помехам» во времени, смысла традиционной «автокоммуникации», осуществляемой посредством стереотипов поведения, и др. Важно то, что необходимость работы в этом направлении осознается все острее, и это вселяет надежду на дальнейшее обсуждение широкого круга вопросов этнографического изучения стереотипных форм поведения.

Л. В. Остапенко, А. А. Сусоколов

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА СТУДЕНЧЕСТВА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Уровень высшего образования служит одним из важных показателей социально-экономического развития общества. В работах советских ученых раскрыта значительная роль высшего образования в совершенствовании социальной структуры населения СССР, усилении его однородности, росте культурного потенциала. В ряде исследований в той или иной мере освещались и национальные аспекты данной проблемы. В последние годы внимание ученых к национальным особенностям воспроизводства квалифицированных кадров рабочих и служащих заметно усилилось¹.

В документах партии и правительства было обращено внимание на необходимость более строгого учета региональной специфики в подготовке и использовании трудовых ресурсов. Однако в целом динамика национального состава студенчества в союзных республиках изучена пока недостаточно.

В данной статье уделяется внимание проблеме изменения национального состава студентов высших учебных заведений союзных республик на примере коренных национальностей и русского населения. Авторы использовали архивные данные вузов союзных республик, материалы справочников «Народное хозяйство», переписи населения, а также результаты этносоциологического исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», проводившегося в 1970-е годы Сектором конкретно-социологических исследований по проблемам культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Арутюняна в пяти союзных республиках: РСФСР, Молдавии, Грузии, Эстонии и Узбекистане.

¹ См., например: Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР.— Сов. этнография, 1972, № 3; его же. Изменение социальной структуры советских наций.— История СССР, 1972, № 4; Арутюнян Ю. В., Дробижев Л. М. Этносоциологическое исследование в СССР.— Социол. исслед., 1981, № 1; Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981; Приходько Ф. Н. Анализ влияния фактора «национальный статус» на образовательные возможности личности в советской системе высшего образования.— Уч. зап. Том. ун-та, 1972, № 82; Руткевич М. Н. Сближение национальных республик и наций СССР по социально-классовой структуре.— Социол. исслед., 1981, № 2; Беляев Е. А., Дубинкин В. Г. Рост численности научных кадров в союзных республиках (1917—1970 гг.).— История СССР, 1972, № 5; Зезина М. Р. Изменение численности и состава интеллигенции союзных республик в условиях развитого социализма: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1976; и др.